

Наталья Олейникова

Светлый город
детства

Наталья Витальевна Олейникова

Светлый город детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26539070

Аннотация

Жила в Ташкенте 70-х годов XX века девочка шестнадцати лет. Отлично училась в школе, занималась в любительской киностудии съемкой фильмов. Не верила в любовь с первого взгляда, не признавала косметику и модные наряды. Поэтому дружила только с мальчишками, девчачьи разговоры были ей скучны. Однажды среди друзей-мальчишек появился один, самый главный, занявший основное место в ее мыслях. Любовь ли это? Герои скрывают друг от друга свои чувства. И как оказалось, совершенно напрасно. Судьба закрутит их, разбросает в разные стороны, разлучит. И все будет совсем не так, как им мечталось. И родной город окажется за тысячи километров. Но памяти ведь не запретишь возвращаться в светлый город детства, в беззаботное счастливое время юности и первой любви.

Глава 1

– Девочки, закройте немедленно окно! Лёвику дует!, – мы с Ленкой одновременно повернулись на этот неприятный голос.

– Натусь, закройте, – сидящая сзади меня в автобусе мама мягко коснулась моего плеча.

Пришлось встать и задвинуть окно до упора, не понимая, как может кому-то быть холодно во время ташкентского лета.

Автобус тем временем въехал под зеленый свод Луначарского шоссе. Деревья по обочинам стояли так часто и кроны их так разрослись, что казалось, как будто мы едем через зеленый коридор. Утро только начиналось, но чувствовалось, что день будет жарким. Мы едем в Чимган! В дом отдыха от маминой работы! Со мной рядом сидят боевые подруги Ленка и Ирка, нас связывают общие приключения прошлого и позапрошлого лета. Даже противная тетка с ее замерзающим Лёвиком не смогла испортить мне настроения.. Нам по 16 лет, позади тяжелый школьный год, впереди – месяц в горах. Мамин проектный институт каждый год организует отдых в горах для сотрудников и их детей. Иногда это палаточный городок на берегу горной речки, иногда арендует коттеджи на берегу Чарвакского водохранилища или домики в каком-нибудь живописном месте. Мы с младшим братом и с

мамой или бабушкой (если маме не давали отпуск) участвовали в таких поездках ежегодно. В этом году бабушка уехала к родственникам в Самарканд и взяла с собой моего брата, а я была занята в это время – проходила производственную практику. Поэтому в этом году в Чимган мы едем вдвоем с мамой. Девчонки едут без родителей – моя мама обещала и за ними присмотреть. Мама никогда не читает нотаций. Она поет песни и ходит с нами в походы, даже на далекие и труднодоступные горы и водопады.

Автобус прибавил скорость, выехав за город, а я стала потихоньку рассматривать пассажиров. Двух мальчишек, сидящих через проход, я знала по прошлому году – черноволосый Рустам, сын директора, и его друг, не помню как зовут. Недалеко от нас расположилась противная тетка со своим Левином, толстым мальчишкой лет шести, который не переставая что-то жевал. Впереди сидело несколько мам с маленькими детьми, две девушки лет по 18 в полной «боевой раскраске» и открытых сарафанах, сзади четверо мальчишек примерно нашего возраста. Один, светловолосый и голубоглазый, лениво перебирал струны гитары. Его прямые светлые волосы были подстрижены «под горшок» и сам он напоминал Иванушку дурачка из сказки. Рядом с ним – полная противоположность – худенький, черненький, но с большими зелеными глазами и длинными ресницами, как у девочки.

Я заметила, что Ленка тоже разглядывает мальчишек.
– Я влюбилась с первого взгляда, – прошептала она мне

на ухо, ее глаза за стеклами очков как-то странно блестели.

Я не ожидала от скромной Ленки такой прыти. И вообще считала, что любовь с первого взгляда – это глупость. Как можно влюбиться, не зная человека и не сказав с ним и двух слов?

– И кто же этот счастливец? – шепчу ей в ответ.

Ленка томно вздохнула и показала глазами на белобрысого мальчишку с гитарой.

– По-моему, слишком воображает, – вступила в разговор Ирка.

– Молчи, не ты ж влюбилась, – огрызается Ленка.

– Смотрите, как красиво! – я решаю сменить тему.

Действительно, горы, сначала казавшиеся далекими, подступили вплотную. Наш старенький автобус, надрывно гудя, поднимался все выше и выше.

Даже через закрытые окна чувствовалось, что воздух здесь другой, пахнущий травами, медом и чем-то еще, приятным и будоражащим. Вершины гор даже летом покрыты снежными шапками, а ближайшие к дороге склоны гор пестрят цветами, травой, кустарниками. Через каждые сто метров стали встречаться указатели пионерских лагерей. За поворотом дороги, на горе, мы увидели ряд маленьких домиков, издали похожих на ульи.

– А вот и наша база, – сказала мама, – почти приехали.

То, что мы издалека приняли за ульи, оказалось деревянными четырехместными домиками. В каждом из них было

только четыре кровати. Деревянный домик туалета был метрах в двухстах на горе.

– Пойдешь туда по темноте, все ноги переломаешь, – Ирка озвучила и мои мысли.

– А где умываться и руки мыть?, – Ленка решила расставить все точки над и.

– Девочки, возле столовой есть рукомойники, – сказала мама., – не расстраивайтесь, обустроимся, разместимся, все будет хорошо. Мы же приехали отдохнуть от цивилизации.

Наши домики стояли в тени огромных раскидистых орешин. Возле них весело журчал арык. А вокруг была трава по пояс, и в ней цветы мяты, душицы, васильки, полынь, и все это так дурманящее пахло, что казалось воздух можно потрогать руками.

Мы набрали в ведро воды из арыка, вымыли в нашем домике полы, разложили вещи, застелили кровати. Занятые этими важными делами, краем глаза отметили, что четверо мальчишек, во главе с белобрысым Иванушкой– дурачком заселяются в соседний домик.

Вдруг ожил громкоговоритель, висящий на стене столовой. В нем что-то громко хрюкнуло, потом чей-то голос тихо сказал «раз, два, три».

Мы переглянулись и застыли с тряпками в руках.

– Уважаемые отдыхающие, – глубокомысленно изрек громкоговоритель, – в связи с тем, что нам вовремя не завезли продукты, обеда сегодня не будет. Ужин состоится в

19 часов.

– Ну что ж, – сказала мама, – доставайте продукты у кого что есть, будем обедать сами.

Поскольку в этот период советской истории в магазинах ничего не было, то родители готовились к нашему отъезду в горы заранее, покупая консервы при всяком удобном случае. На столе появился гусиный паштет, сгущенка, колбасный фарш «Глобус», который считался особенно вкусным и дефицитным, банка фасоли в томатном соусе, скумбрия в масле, мамины пирожки с капустой, помидоры, огурцы, яблоки. Мальчишек из соседнего домика мама тоже позвала за стол, и они прибыли с таким же набором консервов и помидорами-огурцами. Только хлеба ни у кого не было.

– Натик, сгоняй в столовую, – сказала мама, – попроси хлеба.

В столовой никого не было. В кухне сортировала какие-то мешки, громко напевая романс, старая знакомая, повариха тетя Шура. Услышав просьбу о хлебе, заулыбалась так, что все ее полное лицо покрылось морщинками.

– Деточка, хлеба нет. Только поехали за ним в Бричмуллу. К ужину будет, ласточка.

Я вернулась ни с чем.

– Мам, наверно надо сходить в поселок за хлебом. На что мы будем намазывать паштет? И консервы без хлеба как-то не совсем....

Поселок с магазином был в трех километрах от нашей ба-

зы.

Ирка вызвалась идти со мной.

– Наверно, пусть с вами пойдет и кто-то из мальчиков, – сказала мама.

Белобрысый «Иванушка» сверкнул глазами:

– А мы хлеб не едим.

Я уже открыла рот, чтобы ответить какую-нибудь гадость, но тут Рустик вскочил:

– Я пойду с вами.

И мы пошли по тропинке вдоль забора, перешли вброд речушку по колено, миновали пасеку, какой-то пансионат. Идти было легко и весело, Рустик всю дорогу рассказывал нам анекдоты про чукчей.

Я понимала, что не обладаю ни яркой внешностью, ни модной одеждой, ни ярким макияжем, чтобы сразить наповал с первого взгляда все мужское население нашего класса, двора, лагеря. Любимой одеждой моей были джинсы или шорты, кеды, кепка козырьком назад, да и внешность самая заурядная. В школу нас заставляли ходить только в форме. В свои 16 лет я никогда не красила ресницы и губы, не делала модную стрижку, у меня была длинная до пояса коса. Конечно, как все девочки в этом возрасте, я думала и о мальчиках, и о любви. Мне казалось, что любовь должна возникнуть от внутреннего родства душ, а не от внешних эффектов. Мама, наверно, понимала, что это не совсем так, но предпочитала не подогреть раньше времени мой интерес в этом

направлении. В школе я училась на отлично, занималась в детской любительской киностудии постановкой фильмов, и не имела проблем ни в общении с мальчишками, ни с избытком свободного времени. Окружающих меня мальчишек я воспринимала скорее как друзей, чем как объекты страсти. Мои подруги Ленка с Ирккой тоже не отличались ни особой красотой, ни вычурностью нарядов. Внешность у всех была вполне заурядная, а у Ленки еще и очки. Поэтому мужская часть нашего заезда не проявила к нам интереса, зато сразу отправились знакомиться к девушкам в «боевой раскраске».

Пока я шла, задумавшись о своем, впереди показался поселок. Как и все в этой местности, он назывался Чимган. В небольшом магазине был обычный для того времени ассортимент: хлеб, консервы – кильки в томате, популярные в Узбекистане сладости: подушечки – парварда, сахар и соль, сигареты «Беломор» и портвейн «бормотуха». Всем этим великолепием мы смогли полюбоваться только через стекло витрины. На дверях красовалась табличка «санитарный день». Растерянно переглянувшись, мы стояли, не зная, что делать дальше. Неожиданно Ирка толкнула меня в бок:

– Смотри, там пекарня!

И мы отправились к пекарне.

Мы обошли здание пекарни кругом, но все двери и окна были закрыты.

Рустам подошел к двери пекарни и тихонько постучал. Дверь приоткрылась, выглянул толстый дядька в белом ха-

лате.

– Продайте, пожалуйста две булки хлеба, – попросил Рустик.

– Мы хлеб не продаем, – ответил дядька и стал закрывать дверь.

Но я выскочила из-за спины Рустама и подсунула ногу под дверь. Дядька обалдело уставился на меня.

– Дядечка, миленький, акаджан, продайте нам хлеба, пожалуйста. У нас на базе дети остались без обеда, голодные дети!

Дядька удивился еще больше. С минуту мы молча стояли, глядя друг на друга. Потом он заулыбался и протянул мне буханку хлеба, горячую и пахнущую так, что с ума можно было сойти!

– На, кизимка, бери, не надо деньги.

Мы в три голоса поблагодарили его и отправились в обратный путь.

Сначала все молчали. Потом Ирка не выдержала:

– Ну ты, Наташка, даешь! Ты такая боевая и общительная, просто завидно!

– Никакая я не боевая, и не очень общительная. Это результат работы над собой.

– Как это? – не понял Рустик.

– Было время, когда мне было трудно заговорить с незнакомым человеком, даже спросить сколько время. Эту особенность моего характера заметил папа, и стал специально

заставлять меня разговаривать с соседями, спрашивать у старушек об их здоровье, звонить в справочную аэропорта, и все в таком духе. Потому что, объяснял он мне, эта черта в жизни человеку очень мешает. А потом выработалась привычка, и я перестала бояться. А потом мама принесла в журнале ЭКО книгу Дейла Карнеги об общении с людьми, которая произвела на меня огромное впечатление.

– Круто..., – сказала Ирка. – А меня можешь так научить?

– Так я ж не Карнеги... Могу только дать его книгу почитать.

Глава 2

Вечер спустился с гор незаметно и стремительно. Дневная жара сразу уступила место прохладе. Накинув теплые кофты, мы собрались в соседний пионерлагерь в кино, потому что у нас на базе никаких развлечений не было. Ленка кидала тоскливые взгляды в сторону соседнего домика, но мальчишек не было видно. Пока мы нашли подходящую по размерам дыру в лагерном заборе, чтобы все могли пролезть, включая маму, и пробирались сквозь колючие заросли ежевики, фильм уже начался. Скамейки для зрителей стояли прямо под открытым небом – дожди в Ташкенте летом большая редкость. Пристроившись на последнем ряду, чтобы не попасться на глаза лагерному начальству, мы увлеченно стали следить за тем, как Иван Васильевич меняет профессию.

Вдруг, среди взрывов смеха, я услышала, что кто-то хлюпает носом. Оглядевшись по сторонам, увидела Ленку, которая терла руками глаза.

– Ленок, что с тобой?

Вместо ответа подруга мотнула головой куда-то в сторону. Посмотрев в этом направлении, я увидела нашего белобрысого соседа «Иванушку» в обнимку с раскрашенной девицей.

– Плюнь ты на него, – шепчу. – Зачем тебе этот индюк надутый?

– Ты ничего не понимаешь...

С другого бока Ирка толкнула ее в бок:

– Что любовь прошла, завяли помидоры?

– Мои помидоры втоптаны в грязь....

На нас стали оглядываться сидящие впереди пионеры. Мама сказала:

– Пошли домой, фильм уже кончается.

И мы полезли через заросли ежевики и дырку в заборе в крошечной темноте. Кое-как преодолев эти препятствия, спустились к горной речке, которую надо было перейти по камушкам, торчащим из воды. Было уже довольно прохладно, с гор дул ветерок, луны не было. Темное небо было густо усеяно звездами: маленькими и большими, яркими и не очень. Среди звезд белела полоска млечного пути. И меня охватило такое чувство единения с мирозданием – задржав голову я стояла на берегу речки, не замечая, что все уже пе-

решили на тот берег. Мама окликнула меня по имени, и я понеслась по всю прыть по камням, поскользнулась и угодила ногами в ледяную воду.

Ругая темноту и холод, стуча зубами, вылезла на берег, в моих кедах чавкала вода.

– Ну вот, час от часу не легче, – пробурчала Ленка себе под нос.

Вдруг мы увидели, как в нашу сторону метнулся луч фонарика, и кто-то спросил:

– Девчонки, вас проводить?

Это был черноволосый худенький друг нашего «Иванушки».

– А как звать тебя, рыцарь?, – спросила Ирка.

– Сергей.

– А чего ты один тут гуляешь?

– Иду из кино.

– А друг твой где?, – это, конечно, Ленка не утерпела.

По тому, как Серега потупился и промолчал, всем стало понятно, что этот вопрос был лишним.

В сопровождении Сережи и его фонарика мы без приключений дошли до своего домика. Дошли, и увидели небольшой костер. У костра сидели Рустик с другом и еще какие-то ребята с гитарой. Рустик позвал нас к костру. Девчонки откликнулись на приглашение, мама ушла в домик спать, я передела мокрые кеды и тоже подсела к костру.

Я думаю, что многие со мной согласятся – песни у костра

под гитару одно из самых увлекательных занятий во время отдыха в горах. При полном отсутствии вокальных данных петь я очень и люблю, и с удовольствием включилась в этот увлекательный процесс. Остальные певцы не сильно отличались от меня вокальными данными. Довольно долго мы оглашали ночные горы песнями «Машины времени» и порядком подустали, когда к костру подошел еще кто-то, я сначала не разглядела кто. Но когда он взял гитару и подвинулся ближе к костру, я увидела, что это белобрысый «Иванушка» – объект Ленкиных страданий. На этот раз он был один, без разукрашенной девицы. Он уверенно взял гитару, возможно, это была его гитара, подкрутил чуть-чуть, взял пару аккордов.

– Юрка, спой, – попросил черненький Сережка.

Так, значит его Юркой зовут, отметила я про себя.

Тот не стал ломаться, заиграл и запел:

«Ушел от нас последний день

Как исчезает в полдень тень

Любовь уходит с пожелтевшею листвою

И расстаемся мы с тобой».

Это была популярная песня Демиса Русоса. Голос у мальчишки был хороший, сильный, и в то же время какой-то уютный. И пел он просто и здорово, безо всяких завываний и выкрутасов. Все слушали, затаив дыхание, как слова песни улетают в ночное небо, вместе с отсветами пламени костра.

Потом он запел еще какую-то песню, а мы слушали и слушали. Впечатление от его голоса было таким сильным, что я

готова была забыть его высокомерное поведение и разукрашенных девиц. Думаю, что и остальные испытывали похожие чувства.

Подняв голову, я увидела, что Большая Медведица переместилась в другую половину неба, значит, было уже за полночь. Костер догорал, и все стали расходиться, оставаясь под впечатлением удивительного вечера.

Глава 3

Яркое солнечное утро, на траве роса. Солнце выглянуло из-за гор, и залило все вокруг ярким светом. Небо ярко-голубое, безоблачное. Настроение такое, что хочется без причины прыгать и смеяться. Мы собираемся в поход на снежник. Мы – это я и мама, наши девчонки, дядя Володя из крайнего домика с десятилетней дочкой Настей, Рустик с другом Сашей.

Возле домиков веселая суета: мы упаковываем в рюкзаки еду и воду – поход продлится до самого вечера. Сидя на крыльце, я собираю кинокамеру. Заряжаю пленку, кладу с собой в кофр сменные объективы и светофильтры, в карман джинсовой кутки запасную пленку. Краем глаза замечаю, что у дверей своего домика Сергей с Юркой-«Иванушкой» негромко о чем-то спорят. Слов я не слышу, но догадываюсь, что Сережка настаивает на чем-то, а Юрка жмет плечами и не спешит соглашаться. После этого они подходят

к моей маме и что-то тихо ей говорят. Мама отвечает громко, и я сразу догадываюсь, о чем речь. Они хотят идти с нами в поход. Ого! А раскрашенные девичьи, интересно, тоже пойдут?

Ленка тут же бежит в домик, надевает новую майку и подводит тушью глаза. Через десять минут наша живописная группа выходит на тропинку, и растянувшись гуськом берет курс на Малый Чимган. Сначала идти было легко, подъем не крутой, сил у нас много. Тропинка прячется в траве, внизу журчит горная речка. А вокруг – море цветов. Мята, душица, полынь, одуванчики, а многим я не знаю названия. Мы пытались было петь, но дыхание сбивается и идти намного тяжелее. Я шла самая последняя – выбирала ракурс. Несколько раз приходилось бегом догонять остальных. Потом я заметила, что Юрка с Сережкой специально остановились и ждут меня. Когда я поравнялась с ними, Юрка сказал:

– Покажи кинокамеру.

Я отдала ему кинокамеру. Кинокамера «Кварц» – это моя гордость. Больше двух лет снимала фильмы школьной камерой. Родители подарили мне собственную после того, как моя работа заняла призовое место на республиканском конкурсе любительских фильмов. Мне было тогда 14 лет, и мама собирала все газетные вырезки, где писали об этом конкурсе и упоминали обо мне.

Мальчишки тем временем рассматривали объектив.

– А у меня есть «Аврора», – сказал Юрка, – только она у

сестры сейчас.

А Сергей взял у меня рюкзак.

– Давай, понесу, он же тебе мешает.

– Спасибо.

Без рюкзака и правда было лучше, он постоянно мешал мне при работе с камерой.

После двух часов пути и нескольких десятиминутных привалов мы заметили, что окружающий пейзаж меняется. Все меньше становилось травы и цветов, а больше скал и камней. Тропинка, которая часто терялась среди камней, пошла круче вверх. Кое-где мы подсаживали друг друга. Маленькая Настя стала съезжать по камням вниз, и завизжала так, что у меня уши заложило. Дядя Володя поймал ее и стал подталкивать сзади, а оказавшийся рядом Рустик тянул за руки наверх. Потом мы шли по скользким шатающимся камням. Несмотря на прохладный ветер, от напряжения было жарко, пот заливал глаза. Все снимали кофты и куртки, завязав их рукавами на поясе.

И вдруг— о чудо! Мы увидели среди серых скал большой белый снежник. Это было так неожиданно, что мы в один голос ахнули. Снег был не такой белый, как зимой, а с оттенками серого, но все равно это был настоящий снег! И его было много! Какие-то туристы играли в снежки, дети катились с горы на целлофановых пакетах, клеенках, кусках линолеума. И одеты при этом все были в шорты и майки.

Не теряя времени даром, мы тоже кинулись наверх, нашли

кем-то брошенный кусок клеенки и началось веселье... Мы катались, и хохотали, и кричали, и падали. Даже мама тоже каталась с нами. Потом мальчишки принялись кидать в нас снежками, мы в ответ. Сережка поймал меня наверху, когда я собралась сесть на клеенку, и спросил:

– Сдаешься?

– Нет!

Тогда он натолкал мне снега за шиворот и толкнул вниз. Я полетела кубарем. Внизу меня поджидал Юрка. Не успела я подняться на ноги, он тоже спросил:

– Сдаешься?

– Конечно, нет!

Тогда он тоже натолкал снега мне за шиворот. Эта сцена повторилась несколько раз, прежде чем я поняла, что на мне нет сухого места. Футболку, джинсы, и даже кепку можно было выжимать. Правда, было лето. Хотя я попыталась накинуть поверх мокрой майки полусырую джинсовую куртку, это не очень помогло. Правда, вниз идти было легче, но я никак не могла согреться и зубами выбивала дробь.

– Натик, завтра у поварихи тети Шуры день рождения., – сказала мама, – ты помнишь, что мы собирались нарисовать ей поздравление?

– Да, я стихи уже сочинила. Только кто будет рисовать?

– Я поговорила с Юрой, он пообещал. Слышала от мальчишек, что он хорошо рисует.

Я молча кивнула, кутаясь в мокрую джинсовую куртку.

Пока мы дошли до нашей базы, солнце село и стало совсем холодно.

Оказавшись в домике, я переоделась в сухую майку, закуталась в одеяло, и даже ужинать не пошла – не могла согреться. Как мама с девчонками вернулись с ужина, я с трудом слышала сквозь дремоту. Мама потрогала мой лоб, ахнула и полезла в косметичку за таблетками. Термометра у нас не было, но все было ясно и так. Горло болело так сильно, что я не знала, как втисну в себя таблетки.

– Мама, – вместо слов у меня получалось какое-то сипение, – возьмите на столе листик, там стихи для тети Шуры. Пусть Леночка идет с Юрочкой поздравление рисовать.

Сказала, и провалилась в беспокойный тяжелый сон.

Когда я проснулась, было уже позднее утро. В домике никого не было. Голова почти не болела, я тихонько встала. Решила пойти умыться и посмотреть где народ.

Перекинув полотенце через плечо и сунув в карман зубную пасту и щетку, я медленно вышла на улицу. Но вместо девчонок увидела Сережку с Юрочкой, сидящих на скамейке возле нашей двери. Увидев меня, они вскочили:

– Ты прости нас. Мы не хотели, чтобы ты заболела... Мы не думали, что так получится.

Я махнула рукой, потому что говорить у меня еще не очень получалось.

– А, ерунда.

И поплелась к умывальникам мимо столовой. На дверях

столовой висело поздравление. Я подошла ближе посмотреть.

На половинке ватманского листа зеленым фломастером были написаны мои стихи.

Лишь только солнышко взойдет

Над куполом Чимгана,

А тетя Шура уж спешит

На кухню утром рано.

Она для взрослых и ребят

Готовит завтрак вкусный

И все ее благодарят,

Наперебой ей горят:

«Да, повар Вы искусный»

Желаем тете Шуре мы

Жить много-много лет,

Чтоб жизнь счастливая была

Без горестей и бед.

По краям были довольно красиво акварельными красками нарисованы красные розы, но стебли их были почему-то изображены простым карандашом.

– Натуся, ты чего встала?, – это мама вышла из столовой и увидела меня. – Я тебе завтрак несу, иди ложись.

– Лен, а почему стебли такие странные? – спросила я у подошедших следом девчонок.

– Потому что Юрка не дорисовал до конца, а пошел гулять с раскрашенной девицей, – с возмущением сказала Ленка.

– Но он же попросил разбудить его утром, чтобы дорисовать, – вступилась Ирка.

– И как я бы я его будила? Зашла в домик, где мальчишки спят?

– Ну постучала бы в дверь или в окно.

– Ничего, и так получилось красиво, – сказала мама. – Натик, иди ложись, нечего тут разгуливать.

– Сейчас, дайте хоть умыться.

Я побрела к умывальнику, думая о том, как жалко болеть и лежать в домике в такое солнечное и красивое утро. Мы собирались сегодня за ежевикой, возле реки ее целые заросли. Сквозь колючие лисья просвечивают черные спелые ягоды. Но мама, конечно, ни за что мне не разрешит участвовать в таком мероприятии.

Глава 4

– Девчонки, плывите сюда! Здесь мелко!, – кричит Ирка, и машет руками. Ленка и маленькая Настя плывут к ней наперегонки. Я наблюдаю за ними через видоискатель кинокамеры, ловлю подходящие моменты для съемки.

Рустам с Сашей в стороне ныряют с обрыва. А вокруг плещутся воды Чарвака – Чарвакского водохранилища. Когда-то здесь была долина, текла небольшая речка, росли сады, жили люди. Потом, когда построили Чарвакскую ГЭС, вся она попала в зону затопления. Недалеко от того места, где я сижу, асфальтированная дорога, попетляв по берегу,

уходит под воду. Когда мне было лет пять, по этой дороге мы с родителями ездили по мосту на другой берег – вон и фермы бывшего моста из воды торчат. Я захожу в воду по этой заброшенной дороге и стараюсь плавать около нее. Отклоняться в стороны мне как-то неприятно – кто знает, что там может встретиться. Наверно, только остатки затопленных деревьев. Но воображение рисует всякие неприятные картины, и я стараюсь не заходить глубоко. Совсем не лезть в воду – выше моих сил, день очень жаркий. Не спасает даже прохладный ветерок с гор.

Камера вдруг замолкает, и я начинаю искать причину: батарейка села или пленку внутри зажевало и получился «салат»? Достāju батарейку и пытаюсь лизнуть между клеммами. Тут же ко мне подсказывает Сережка:

– Что случилось? Помощь нужна?

Батарейка щиплет язык. Мы лижем батарейку по очереди и приходим к выводу, что дело не в ней.

– Придется открыть камеру дома в темноте, вытащить пленку и аккуратно смотать, – говорю.

Сергей молча кивает и с улыбкой смотрит на меня. Глаза у него ярко-зеленые и ресницы черные и длинные, вот бы мне такие!

– Наташка, идем к нам!, – вопят из воды девчонки.

– Пойдем?, – спрашиваю у Сережки.

– Нет, неохота...

Он ни разу так и не залез в воду, сидел на берегу в джин-

сах и майке. Я подумала, что наверно неприятные ассоциации появляются не только у меня. Хотя моя бабушка всегда говорили, что чрезмерная впечатлительность мешает жить.

Мы садимся рядом на огромный валун. Рядом растут две алычи, так что мы почти в тени.

– А ты в какой спецшколе учишься?, – вдруг спрашивает он.

– Почему в спецшколе? В самой обычной районной школе... А что?

– Я видел, как ты в тетрадке решала примеры по алгебре. Не на осень же тебя оставили?

– Нет, конечно. Это нам на лето дали задание, всему классу. Учительница очень строгая по математике. Хочет, чтобы мы и летом не расслаблялись. А чтобы не было потом запарки, я решаю потихоньку, когда есть время. Не люблю ничего оставлять на последний момент.

Сережа молча кивнул. Я заметила, что он вообще не очень многословен.

– А ты в какой школе?

– В полтиннике, в физико-математическом классе. И Юрка тоже.

–Ого!, – не удержалась я.

50-я школа была одна из самых известных в Ташкенте.

– А куда ты будешь поступать?, – вдруг спрашивает он., – Наверно, что-нибудь связанное с киносъёмками?

– Вряд ли. Мои родители считают, что это не профессия,

просто хобби. Наверно в политех.

Вдруг рядом со мной шлепнулся мокрый мяч. Следом прибежал Рустам.

– Что это вы тут уединились? Пошли купаться!

В зеленых глазах Сережки мелькнуло странное выражение. Пауза затянулась, но тут подошла мама, и все засобирались домой.

Дома я закутала свою кинокамеру в три одеяла и начала аккуратно сматывать застрявшую пленку. При этом боялась шевельнуться, чтобы нечаянно ее не засветить.

– Наташа, Ира! Девчонки!, – звал мальчишеский голос у нас под окном.

– Ир, выйди, узнай, чего надо? Я тут пленку бросить не могу.

Ирка выходит, и я слышу через окно, как кто-то из мальчишек говорит ей:

– Пойдемте завтра в горы с нами рассвет встречать?

– Пойдем, пойдем!, – ору я изо всех сил, правда, так и не отрываясь от пленки.

Ленка подняла голову от книжки:

– Куда мы пойдем?

– В горы рассвет встречать.

– А кто будет из мальчишек?

– Не знаю. Все, наверно, будут. А какая разница? Главное, солнце на небе точно будет.

– Это тебе нет разницы. За тобой все они бегают.

– Что за чушь, Ленок?

– Рустик сделал тебе медальон, Сережка твой рюкзак таскает, и Юрка с тебя вчера в столовой глаз не сводил.

Мальчишки делали «медальоны» из расплавленных целлофановых пакетов. Черную расплавленную массу собирали в алюминиевую ложку, придавали нужную форму, царапали иголкой разные узоры или надписи и натирали зубной пастой, чтобы узоры получились белыми. Такое произведение искусства я действительно получила в подарок от Рустама. Но он подарил такой же и Ирке, и даже маленькой Насте.

– Достала ты со своим Юркой. Мне в компот попала муха, и он смотрел, буду я пить его или нет.

– Ладно, замнем для ясности..., – и Ленка обиженно отвернулась к стене.

Всю ночь я вскакивала и смотрела на часы, боясь проспать. Даже мама сказала:

– Наташ, угомонись!

Наконец в три двадцать раздался условный стук в окно. Мы быстро оделись и выскочили в прохладную летнюю ночь. Было тихо-тихо, ни звука, ни ветерка. Мальчишки ждали нас возле домика. И мы гуськом стали подниматься по тропинке в гору. Ночь была безлунная. Какие-то ветки били по моему лицу, коряги попадались под ноги. Я несколько раз споткнулась, а потом чуть было не растянулась в полный рост. Сережка поймал меня и крепко взял за руку. Рука у него мягкая и теплая. Идти за руку с ним было здорово, но я подумала,

мала, что буду предметом всеобщего обсуждения, и попыталась высвободить руку. Сзади пыхтит мне в затылок Ленка.

– Ты уже болела ангиной. Я не допущу, чтобы ты еще и ноги переломала, – говорит Сергей и сжимает мою руку.

Ленка прожигает взглядом мне спину. Я чувствую, как горят уши.

Почти в полной темноте мы поднимаемся на вершину горы и останавливаемся перевести дух. Еще темно, на небе полно звезд. Только с одной стороны край неба чуть-чуть светлеет. Мы стоим и смотрим как зачарованные, а небо светлеет прямо на глазах. Сережка стоит рядом и продолжает держать меня за руку. У меня так радостно на душе, что я не замечаю ни холода, ни прилипших к одежде репейников.

Вдруг озорной золотой лучик выскакивает из-за горизонта. Он осторожно гладит меня по щеке и отражается в зеленых Сережкиных глазах. Сразу стало светлее, и тут же грянул птичий хор! А из-за горизонта уже виден краешек солнечного круга. Становится уже по-настоящему светло, капли росы на траве кажутся разноцветными.

– Ура! , – вдруг хором закричали Рустик с Сашей.

– Ура! Ура!– хором подхватили все остальные.

Солнце видно уже полностью. Мы поворачиваемся и потихоньку идем по тропинке вниз, навстречу новому дню. Нашему последнему дню в Чимгане. Сегодня мы уезжаем домой, в Ташкент.

Глава 5

Дома на меня навалилась тоска. Стояла середина августа, многие подруги еще не вернулись с отдыха. С братишкой-пятиклассником ходила пару раз в бассейн на стадион «Старт» – вот и все развлечения. Сережка не звонил, хотя перед посадкой в автобус подошел и попросил мой адрес и телефон. И я его телефон знаю, но звонить первой неудобно. Уходя из дома, я просила бабушку отвечать на все телефонные звонки. Но бабушка на кухне гремела кастрюлями, да и вообще была глуховата.

– Кому надо, еще раз позвонит, – в очередной раз отвечала она, видя мое огорчение.

– Бабушка, раскинь карты, – говорила я, присев на подлокотник бабушкиного старинного кресла, в котором она любила дремать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.